

Адмиралъ Г. И. Невельской.

«Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, тамъ онъ уже спускаться не долженъ». (Завѣтная для каждаго русскаго, особенно для война и моряка слова!) Эти слова приобрѣли Россіи цѣлый край и защитили Невельского отъ разжалованія въ матросы, но я увѣренъ, что не многіе знаютъ, кто сказалъ эти слова, дышавшія такой твердостью, мощью и вѣрою въ непобѣдимость русскаго оружія, и которыхъ теперь, къ сожалѣнію, уже не говорятъ; и гдѣ, на какомъ памятникѣ въ нашемъ городѣ (Владивостокъ) записаны эти твердые какъ гранитъ слова. Онѣ — на гранитномъ памятникѣ Адмирала Невельского, что на берегу бухты «Золотой Рогъ», противъ собора. Издали видите эту стройную 5-ти саженную четырехгранную стѣую колонну, съ большимъ глобусомъ на верху; на глобусѣ парашій — съ распростертыми крыльями позлащенный двуглавый орелъ, съ короною надъ нимъ. Войдите за рѣшетку, поднимитесь на пьедесталь и тогда — на одной изъ 4-хъ чугунныхъ плитъ, вдѣланныхъ въ чугунныхъ нишахъ въ колонну, именно на восточной сторонѣ ея, вы и прочтаете знаменитыя слова: «Въ 1851 году по поводу сиблага занятія Г. И. Невельскимъ берега Амура Государь Императоръ Николай Павловичъ назвалъ поступокъ Невельскаго

молодецкимъ, благороднымъ и патристическимъ, сказалъ слова довершившаго все дѣло: «гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже сплукаться не долженъ». (Надпись сразу переноситъ мысль нашу къ еще недавнимъ героическимъ временамъ.) А на другой плитѣ—на южной сторонѣ колонны видите и самаго Невельскаго: бюстъ его скромно пріютился въ нишѣ съ лицомъ задумчиво устремленнымъ на воды морскія; внизу надпись: «Геннадій Ивановичъ Невельской». На сѣверной сторонѣ прекрасно изображено волнуемое море, среди него видѣется корма удаляющагося судна, съ отчетливою надписью—именемъ судна—на ней: транспортъ «Байкаль». Тутъ же перечисляется экипажъ «Байкала». Командиръ кап.-лейт. Геннадій Ивановичъ Невельской 1-й, лейтенанты: П. Б. Козакевичъ 2-й и А. П. Гревенскъ, мичмана: А. С. Гейсгаръ и Э. В. Гроте, к. шт. пор. А. А. Халезовъ и подп. А. А. Поповъ, лекаръ В. Г. Бергъ. Юнкеръ князь К. Ухтомскій и 28 нижнихъ чиновъ». Это—все сподвижники Невельскаго. На западной сторонѣ доска вся испещрена надписями; здѣсь читаемъ: «Амурская экспедиція въ 1850 и 1851 гг.: кап. 1-го ранга Геннадій Ивановичъ Невельской, лейт. Н. К. Болинякъ и П. Ф. Гавриловъ, мичм. Н. М. Чихачевъ, корп. штурм. подп. А. И. Воронинъ и прап.: Д. И. Орловъ и А. П. Семеновъ, докторъ Е. Г. Орловъ, прикашъ Р. А. К. Березинъ, нижнихъ чиновъ 46 челов.. Жены участниковъ экспедиціи: Е. И. Невельская, Х. М. Орлова, жена нижнихъ чиновъ 9. Въ 1852 году. Кромѣ лейт. Гаврилова, всѣ остальные и мичмана: Г. Д. Разградскій и А. И. Петровъ, нижнихъ чиновъ 56 человекъ. Транспортъ «Иртышъ» подѣ командою лейт. П. Ф. Гаврилова и кап.-лейт. Н. М. Чихачева; корабль «Николай» подѣ командою шкипера Клиновстрема; «Кадьякъ» подѣ командою Н. И. Шарыпова, всего нижнихъ чиновъ 91 человекъ. Въ 1853 году: кромѣ гг. Чихачева и Семёнова, всѣ остальные и сверхъ того: кап.-лейт. А. В. Бачмановъ съ супругою Е. О. Священникъ Гавриилъ Велиаминовъ съ супругою Е. И.; прикашъ Боуровъ.

Въ Сахалинской экспедиціи: майоръ Н. В. Буссе, лейт. Н. В. Рудановскій, прикашъ Р. А. К. Самаринъ; нижнихъ чиновъ 86 чел.

Въ 1854 и 1855 гг.

Всѣ остальные, кромѣ вышеозначенныхъ судовъ и Сахалинской экспедиціи и сверхъ того: лейт. Я. И. Купреяновъ и Н. В. Рудановскій, нижнихъ чиновъ 86 человекъ и команда фрегата «Паллада» съ гг. офицерами, взводъ конной легкой артиллеріи и сотня казаковъ».

Это тоже все сподвижники Г. И. Невельского въ дѣлѣ присоединенія къ Россіи Амурскаго края.

Край этотъ присоединенъ къ Россіи и утвержденъ за ней Айгунскимъ трактатомъ, заключеннымъ съ Китайцами 18-го мая 1858 года знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ гр. Н. Н. Муравьевымъ—Амурскимъ. По основаніемъ къ утвержденію края за нами послужили труды и подвиги Невельского и названныхъ сподвижниковъ—участниковъ экспедиціи, начальникомъ и руководителемъ которой онъ состоялъ. Исторія говоритъ, что ему—же принадлежитъ первая мысль и починъ въ этомъ дѣлѣ.

Возьмите глобусъ или карту нашей дальневосточной окраины и найдите рѣку Амуръ; рѣка эта имѣетъ огромное значеніе для Охотскаго края и Камчатки. Такіе ученые авторитеты какъ Лаперузъ Броуттокъ и др. утверждали, что Амуръ съ моря не доступенъ, считали, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ перешейкомъ, что эта великая рѣка съ моря доступна только на шлюпкѣ, ибо воды ея устья теряются въ пескахъ. Невельской еще на академической скамьѣ изучалъ значеніе рѣки Амура, условія плаванія по ней и пришелъ къ свѣлой мысли, что знанія ученыхъ невѣрны, что устье многоводной рѣки должно быть доступно для морскихъ судовъ. Онъ рѣшилъ, что ему во что бы то ни стало необходимо на мѣстѣ проверить свой выводъ и идти на изслѣдованіе устья Амура и Амурскаго лимана. Эта мысль такъ влекла его, что для ея осуществленія онъ пожертвовалъ блестящей карьерой, которая открывалась ему, благодаря отличному окончанію курса морскихъ наукъ въ Морской Академіи (по тому времени въ офицерскомъ классѣ) и ежегоднымъ затѣмъ плаваніямъ совѣстно съ генералъ-адмираломъ, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Онъ испросилъ себѣ другое, скромное назначеніе—командованіе паруснымъ транспортомъ «Байкалъ», ибо этотъ транспортъ былъ снаряженъ для доставки грузовъ изъ Кронштадта въ Петропавловскъ, т. е. въ тотъ край, куда Невельскаго влекло его призваніе.

Невельской приложилъ все стараніе, что-бы его транспортъ какъ можно скорѣе вышелъ въ море.

21-го августа 1848 года «Байкалъ» вышелъ въ далекій и трудный путь. Переходомъ въ мѣсту назначенія командиръ тоже весьма спѣшилъ и заходилъ лишь въ рѣдкіе порты, что-бы скорѣе пребыть въ Петропавловскъ и немедленно приступить къ осуществленію заветной цѣли—выйти на изслѣдованіе Амурскаго лимана. Ближайшая задача была благополучно выпол-

нена и грузъ былъ сданъ. Но что-бы начать изслѣдованія для этого требовалось разрѣшеніе, получить-же его было почти невозможно: въ такомъ положеніи стоялъ въ то время вопросъ объ Амурѣ. Графъ Муравьевъ—Амурскій, убѣжденный въ правильности воззрѣній Невельскаго, обѣщала добиться въ Петербургѣ и прислать это разрѣшеніе въ Петропавловскъ съ курьеромъ. Онъ прислалъ лишь инструкцію, въ которой Невельскому предписывалось, какъ онъ хотѣлъ, изслѣдовать берега Охотскаго моря, Сахаливъ и Амурскій лиманъ, но при условіи, чтобы вести это втайнѣ.

Но и инструкція эта высочайше еще не была утверждена, а разрѣшенія вовсе не было, и неизвѣстно, когда оно будетъ получено.

Невельскій рѣшилъ начать изслѣдованія пока безъ разрѣшенія и убѣдилъ въ этомъ своихъ сподвижниковъ (убѣжденный всегда убѣждаетъ, воодушевленный—воодушевляетъ). Онъ объявилъ офицерамъ, что всю тяжелую отвѣтственность предъ престоломъ и отечествомъ онъ принимаетъ на себя.

30-го мая 1849 года «Байкаль» вышелъ изъ Петропавловска и взялъ курсъ къ восточному берегу Сахалина ¹⁾. Обойдя Сахалинъ съ сѣвера, транспортъ пошелъ къ югу вдоль его западнаго берега.

Послѣ ряда неудачъ, при неблагоприятной погодѣ, въ необслѣдованныхъ мѣстахъ, былъ найденъ наконецъ ходъ въ лиманъ Амура, и «Байкаль» сталъ на якорь въ сѣверной его части. Отсюда и начали его изслѣдованіе съ цѣлью отыскать фарватеръ къ югу. Встрѣчавшіеся неправильныя и быстрыя теченія, мели, банки и постоянно противныя вѣтры дѣлали эту работу на парусномъ суднѣ, не имѣвшемъ даже паровой шлюпки, крайне тяжелой и опасной, и нужна была желѣзная энергія Невельскаго, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ идти все таки къ развѣченнои цѣли.

Сдѣлавъ предварительную рекогносцировку Невельскій оставилъ часть команды на транспортѣ и отправился для дальнѣйшихъ изслѣдованій на шлюпкахъ съ 3 офицерами.

11-го іюля они вошли въ дѣйствительное устье Амура, въ которое не проникалъ еще ни одинъ цивилизованный человекъ.

Затѣмъ, продолжая подвигаться на югъ и дѣлая опись берега и промѣръ, они достигли наконецъ того мѣста, гдѣ, по мнѣнію знаменитыхъ мореплавателей, долженъ былъ находиться перешеекъ, соединяющій Сахалинъ съ материкомъ.

¹⁾ Въ описаніи пользовался, съ разрѣшенія автора—начальника гидрографической экспедиціи Тихаго океана, ген.-майора М. Е. Жданко, его трудомъ. «Памяти Адм. Г. И. Невельскаго».

Здѣсь то, между скалистыми мысомъ материка и низменнымъ мысомъ Сахалина, вмѣсто перешейка оказался проливъ названный Татарскимъ, шириною въ около 7 верстъ и съ наименьшею глубиною въ 5 сажень. Это открытіе было сдѣлано 22 июля 1849 года, — день памятный для экспедиціи: было удостовѣрено, что по открытому проливу могутъ ходить суда всѣхъ ранговъ, и что лиманъ Амура доступенъ и съ сѣвера, и съ юга.

Сѣверный фарватеръ лимана Амура, открытый и обследованный Невельскимъ, по докладу ген.-м. Жданко, Высочайшимъ повелѣніемъ переименованъ изъ Сѣвернаго въ фарватеръ Невельского.

Къ 15-му сентября Невельской обязанъ былъ быть въ Охотскѣ. На пути туда встрѣтили байдарку, шедшую изъ Аяна съ офицеромъ Орловымъ, которому было приказано разыскать «Байкала» и передать Невельскому, что въ Аянѣ его ожидаютъ важныя бумаги; въ числѣ ихъ была получена и давно ожидаемая инструкція, уже утвержденная государемъ. Сюда прибылъ на встрѣчу Невельскому самъ ген.-губ. графъ Муравьевъ-Амурскій, крайне заинтересованный результатомъ его изысканій. Еще издали со шлюпки спрашивалъ онъ: «Ну что, Невельской?» «Ура, Ваше Превосходительство, отвѣчали съ Байкала, Сахалинъ — островъ, входъ въ лиманъ Амура возможенъ для мореходныхъ судовъ и сѣвера и съ юга, вѣковое заблужденіе разсѣяно!

Сдѣлавъ сообщеніе генералъ-губератору о своихъ открытіяхъ и плаваніи, Невельской прибылъ въ Охотскѣ, сдалъ транспортъ и сухимъ путемъ отправился въ Петербургъ, пославъ съ курьеромъ донесеніе начальнику гл.-мор. штаба кн. Меншикову. Начальникъ штаба сообщилъ ему, что министръ иностранныхъ дѣлъ и большинство членовъ Особаго комитета обвиняютъ его, Невельского, въ неслыханной дерзости, чуть-ли не въ государственной измѣнѣ, и требуютъ Невельскому примѣрнаго наказанія; но что самъ Государь Императоръ простилъ ему его смѣлый поступокъ (что не дождавшись утвержденія инструкціи онъ пошелъ въ Татарскій проливъ). Невельской не понесъ на этотъ разъ кары, но не получилъ и Владимирскаго Креста и пожизненной пенсіи, которые полагаются за открытія. Почти за годъ до этихъ событій послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ основаніи зимовья на берегу Охотскаго моря, чтобы Россійско-Американская Компанія могла производить тамъ расторжку съ гилляками. Для устройства зимовья, по просьбѣ гр. Муравьева, былъ командированъ Невельской: но вмѣстѣ съ тѣмъ комитетомъ сдѣлано было строжайшее приказаніе на имя ге-

нераль-губернатора ни подъ какимъ предлогомъ не касаться лимана р. Амура. Невельской опять прибылъ къ Охотскому морю и по осмотру берега нашель, что песчаная коса на восточномъ берегу залива «Счастье» представляетъ единственное мѣсто, къ которому могутъ подходить суда съ моря, и здѣсь 29-го юля 1850 года основалъ зимовье, названное Петровскимъ.

Въ Петровскомъ Невельской оставилъ прап. Орлова съ большею частью команды, а самъ съ остальными людьми отправился къ все еще загадочному устью Амура. То непонятное враждебное отношеніе къ его дѣлу, которое онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ со стороны комитета, не смотря на сдѣланныя имъ открытія, не остановило Невельского на полдорогѣ въ достиженіи заветной цѣли. Онъ поднимается на шлюпкѣ верстѣ на 100 отъ устья Амура и достигаетъ мыса Тарь.

Что здѣсь произошло, объ этомъ передадимъ словами самого Невельского: (*).

«Подойдя къ мысу, я увидѣлъ на берегу нѣсколько манджуровъ и толпу инородцевъ, всего человекъ 200. Они, повидимому, были озадачены появленіемъ нашей шлюпки. Выйдя на берегъ въ сопровожденіи переводчиковъ, я подошелъ къ старшему изъ манджуровъ, котораго гилки называли «Джангинъ», т.-е. богатый старикъ, купецъ. Этотъ манджуръ сидѣлъ съ важностью на обрубокѣ дерева и тѣмъ показывалъ свое начальническое вліяніе на окружающую его толпу.

Онъ важно и дерзко спросилъ меня, зачѣмъ и по какому праву я пришелъ сюда? Въ свою очередь и я спросилъ манджура, зачѣмъ и по какому праву онъ здѣсь находится? На это манджуръ съ еще большею дерзостью отвѣчалъ, что никто кромя ихъ, манджуровъ, не имѣетъ права являться въ эти мѣста. Я возразилъ ему, что такъ какъ русскіе нѣбуть полное и единственное право быть здѣсь, то я требую, что-бы онъ со своими манджурами немедленно оставилъ эти мѣста. На это старикъ, указывая на окружающую его толпу, потребовалъ, что-бы я удалился, угрожая въ противномъ случаѣ удалить меня силою. Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ знакъ окружающимъ его манджурамъ приступить къ исполненію его требованій. Въ отвѣтъ на эту угрозу, я выхватилъ изъ кармана пистолетъ и, направивъ его на манджура, объявилъ, что если кто-либо осмѣлится пошевелиться, то въ одно мгновеніе его не будетъ на свѣтѣ.

(*) Ibid.

Вооруженные матросы, по моему знаку, немедленно явились ко мнѣ. Такой неожиданный образъ дѣйствій такъ ошеломилъ манджуровъ, что они тотчасъ-же отступили, а инородцы, отдѣлившись отъ нихъ, стали смѣяться надъ ихъ трусостью и выказывать намъ сочувствіе. Джангинъ поблѣднѣлъ, соскочилъ со своего обрубка и, кланяясь мнѣ, увѣрялъ, что желаетъ быть со мною въ дружбѣ и просить къ себѣ въ палатку, въ гости. Я согласился, и узналъ много интереснаго. Джангинъ признался, что имъ запрещено спускаться сюда по Амуру и что они бываютъ здѣсь самовольно. Онъ сообщилъ еще, что на всемъ пространствѣ по берегамъ Амура нѣтъ китайскаго поста и что всѣ инородцы Амура и Усури до моря не подвластны китайцамъ и дани не платятъ.

Инородцы сообщили, что ежегодно приходятъ въ Татарскій проливъ иностранныя суда, останавливаются у береговъ и безнаказанно безчинствуютъ.

Получивъ такія свѣдѣнія, Невельской направился далѣе въ устье Амура и здѣсь, на мысъ Куегда, помолившись Богу, при салютѣ изъ дальконета и ружей, поднялъ русскій военный флагъ и объявилъ приамурскій край съ островомъ Сахалиномъ принадлежностью Россіи. Этотъ актъ присоединенія совершился 1-го августа 1850 года.

«Отнынѣ Великій Русскій Царь, сказалъ онъ собравшимся инородцамъ, принимаетъ васъ подъ свое покровительство, и не позволитъ обижать васъ». Далъ имъ и грамоту соотвѣтствующаго содержанія и велѣлъ предъявлять ее иностранцамъ, если-бы они вздумали являться и хозяйничать въ этихъ мѣстахъ.

Выбравъ здѣсь мѣсто для новаго поста, названнаго «Николаевскимъ», Невельской оставилъ въ немъ 6 человѣкъ команды, при фальконетѣ и шлюпкѣ, а самъ на оленяхъ возвратился въ Петровское. По требованію ген. губернатора, онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, съ отчетомъ за свои дѣла на Амурѣ прежде всего предъ комиссіей по Амурскому вопросу, собранной въ томъ-же составѣ какъ и въ прошломъ году. Можно представить себѣ, съ какими негодованіемъ были здѣсь встрѣчены дѣйствія его. Рѣшеніе комиссіи было скоро и не милостиво; оно сводилось къ слѣдующему: постъ Николаевскій уничтожить, а капитана 1-го ранга Невельскаго за неслыханную дерзость и противленіе Высочайшей волѣ разжаловать въ матросы.

Казалось все было потеряно для предприимчиваго моряка.

«Въ такихъ обстоятельствахъ только высокій умъ и національная гордость Императора могли остановить кощунственную руку, которая готова была подняться на отечественный флагъ, и только его справедливость могла пощадить Невельского (*).

«Когда Государю доложили рѣшеніе комиссіи, то Его Величество потребовалъ къ себѣ Невельского и тутъ произошла та памятная сцена, описаніе которой (сдѣланное г.-жею Вейдъ) ни одинъ русскій не можетъ читать безъ волненія.

«Императоръ Николай принялъ капитана въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ предъ раскинутой картой Сибири. Онъ окинулъ орлинымъ взглядомъ тщедушного моряка, котораго, впрочемъ, онъ зналъ и ранѣе. Глаза его не выражали гнѣва. «Такъ-то, Невельской, началъ Императоръ суровымъ голосомъ, ты организуешь экспедиціи, измѣняешь по своему усмотрѣнію инструкціи, утвержденныя твоимъ Государемъ. Что ты на это скажешь?»

Взявъ со стола бумагу и, указывая на нее Невельскому, Императоръ продолжалъ: «А это что? Какъ ты думаешь?... Ни болѣе ни менѣе, какъ разжалованіе тебя въ матросы». Невельской молчалъ.

Императоръ сталъ медленно водить по картѣ пальцемъ—по пути, пройденному «Байкаломъ».

— Матросомъ, да. Но вотъ здѣсь ты уже—мичманъ, тамъ—лейтенантъ, тутъ—капитанъ 1 ранга, здѣсь—контръ—ад.... (палецъ Государя стоялъ на Николаевскѣ). Нѣтъ, подождемъ еще; надо наказать тебя за непослушаніе».

И, вставъ съ мѣста, Государь разорвалъ актъ о разжалованіи, подошелъ къ столу, взялъ заранѣе приготовленный крестъ св. Владимира, пощбловалъ Невельского и вдѣлъ ему крестъ въ петлицу.

«Спасибо, Невельской, за твой патріотическій поступокъ, но впредь будь осторожнѣе; старайся не превышать дѣянныхъ тебѣ полномочій».

На слѣдующій день ген.-губ. Муравьевъ сообщилъ Невельскому, что Его Величество почтилъ его аудіенціей, подробно разспрашивалъ о новомъ краѣ, поступокъ его, Невельского, назвалъ «молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ».

Государь повелѣлъ собраться комитету вновь, подъ предсѣдательствомъ Цесаревича, и изрекъ тѣ великія, завѣтныя слова, что видите отлитыми

(*) «Памяти Невельского» г.-м. Жданно.

на нашемъ памятникѣ: *«Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, тамъ онъ уже спускаться не долженъ».*

Вслѣдствіе такого Государева рѣшенія комитетъ сдѣлалъ постановленіе уже другого характера: Николаевскій постъ оставить въ видѣ лавки Россійско-Американской Компаніи; никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать, а иностранцамъ, которые вздумали-бы занять какой-либо пунктъ около устья Амура, объявлять, что безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ никакія произвольныя распоряженія въ этихъ мѣстахъ допускаемы быть не могутъ.

Для наблюденія за этимъ пунктомъ назначить Невельскаго съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и команды. Миссію эту назвать Амурскою Экспедиціею.

Невельской опять отправился на край свѣта, на новые труды; и послѣднѣйшаго и труднаго пути (чрезъ Иркутскъ, затѣмъ по болотамъ и дикой тайгѣ Охотскаго края) прибылъ въ Петровское. Съ нимъ были: лейт. Бошнякъ, прапорщ. Воронинъ, докторъ Орловъ, тологр. Штегеръ, 30 человекъ матросовъ и казаковъ и прикащикъ Рос.—Амер. Компаніи Березинъ; позднѣе къ экспедиціи присоединился лейт. Чихачевъ.

Устроившись въ Петровскомъ по мѣрѣ возможности, Невельской съ этими своими подвижниками немедленно приступилъ къ тѣмъ тяжелымъ работамъ, кои собственно и составили основаніе къ утвержденію за Россіей Приамурскаго и приуссурійскаго края. И цѣлыхъ 5 лѣтъ работалъ въ этомъ дикомъ краю, отрѣзанномъ въ суровое зимнее время отъ всего міра. Неутомимая энергія его, не падавшая ни при какихъ обстоятельствахъ и даже въ горѣ (*), служила примѣромъ, поддерживала и вдохновляла другихъ въ ихъ невѣроятныхъ лишеніяхъ и трудахъ. Въ теченіе 5 лѣтъ, подъ постоянной опасностью безвѣстно погибнуть отъ ножа дикаго населенія, или отъ когтей и зубовъ тигра, наводящаго страхъ еще и теперь, съ опасностью умереть отъ голодной смерти, или подъ снѣжными заносами, тысячи верстъ бездорожнаго и пустыннаго края были пройдены тѣмъ или инымъ изъ участниковъ экспедиціи; на громадномъ протяженіи берега Татарскаго пролива обследованы и описаны бухты, выяснено дѣйствительное направленіе Хинганскаго хребта, что было важно для правильнаго по-

(*) Смерти дочери, не выдержавшей суровыхъ условій и лишеній. Въ Экспедиціи не было молока, а рыбы и солонины ѣсть ребенокъ не могъ и умеръ на рукахъ матери голодною смертію.

ниманія границъ Россіи по Нерч. трактату, и доказано, что никто, кромѣ русскихъ, не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ притязаній на этотъ край.

Въ настоящее время этотъ нашъ край, край огромный, богатый землею и рыбою, идетъ по пути къ обрусенію и процвѣтанію. Непрерывнымъ потокомъ прибываютъ сюда изъ внутреннихъ губерній наши переселенцы—пахари; въ 1906-мъ году ихъ прибыло и осѣло на хлѣбородную землю 60,000 человекъ, въ послѣдніе годы еще болѣе. Всѣ они, что-бы крѣпко владѣть этой окраиной, завидною для нашихъ сосѣдей—японцевъ, корейцевъ и китайцевъ (послѣднихъ въ 1907 году прибыло сюда и тоже осѣло 67,000 человекъ), и всѣ русскіе люди должны помнить и держать изъ рода въ родъ великія слова Государя: *идъ разъ поднятъ русскій флагъ, тѣмъ онъ уже спускаться не долженъ*,—начертанныя на памятникѣ безстрашнаго поборника за честь и интересы великой матери—родины.

Но эти заветныя слова особенно надо держать вамъ, воины, комѣ въѣреть военный флагъ, ибо онъ знакъ русской мощи и силы

Такъ именно смотрѣлъ на него Адм. Невельской, впервые и твердою рукою утвердившій здѣсь в. флагъ, а съ нимъ и русское имя и русское искусство.

Циркуляръ главнаго морского штаба (17 ноября 1908 г.)

1 августа 1910 г. исполнится 60 лѣтъ съ того дня, когда на берегу рѣки Амуръ впервые былъ поднятъ капитаномъ 1-го ранга, впоследствии адмираломъ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ русскій военный флагъ, и Приамурье такимъ образомъ фактически было объявлено принадлежностью Россіи.

Этотъ день предположено ознаменовать сооруженіемъ на добровольныя пожертвованія памятника адмиралу Невельскому въ гор. Николаевскѣ на Амурѣ. въ знакъ признательности благодарнаго отечества своему достойнѣйшему сыну.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу морского министра, Его Величеству Государю Императору 13 октября 1908 г. благоугодно было Высочайше разрѣшить открытіе повсемѣстнаго въ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій для осуществленія означеннаго сооруженія.

Сибирскаго флотскаго экипажа Священникъ А. Богословскій.